

Октября 3 (16)

Священноисповедник

Агафангел (Преображенский)

Митрополит Ярославский

Митрополит Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский) родился 27 сентября 1854 года в селе Могилы Веневского уезда Тульской губернии в семье священника. Воспитанный родителями в послушании вере Христовой и строгом исполнении церковных обрядов, он высоко ставил служение святой Церкви в священном сане. Ребенком он любил подолгу бывать на кладбище, гулять среди могил и крестов – красноречивых свидетельств, что вся персть, вся пепел, вся сень. Здесь со слезами на глазах Александр просил Господа, чтобы Он сподобил его во время благопотребно стать служителем алтаря и приносить умиловительную бескровную жертву за окончивших земную жизнь. Это желание было так велико, что когда по окончании училища представилась возможность поступить в привилегированное столичное учебное заведение, он ее решительно отверг. Близкие советовали не отказываться от случая получить серьезное светское образование, которое откроет ему широкие возможности в жизни. Увидев бездейственность советов, родные попытались принудить его согласиться с ними и оставить мысли о получении духовного образования, но все было напрасно. Чувствуя непреодолимую тягу к церковному служению, Александр со свойственными его характеру решимостью и настойчивостью настоял на продолжении образования в Тульской Духовной семинарии, в которую он и поступил в 1871 году.

В те годы семинарское образование в России пребывало в плачевном состоянии, в стены духовных учебных заведений беспрепятственно проникали материалистические и бездуховные науки. Под видом новых научных открытий начинали открыто утверждаться в области научных знаний социальные и естественно-научные мифы. Идеал служения на духовном поприще среди образованного общества был почти утрачен, и общество пришло в состояние духовного окостенения. Становились модными и нравственно похвальными профессии, устрояющие земную жизнь – инженера, врача и т. п. Увлечение естественными науками образованного юношества не оставило в стороне и Александра и, в конце концов, пленило его ум и сердце. Горячее желание служить Церкви Христовой в священном сане за время учения охладело, и к концу обучения он решил оставить семинарию и поступить в светское учебное заведение, чтобы стать врачом.

Он начал готовиться к поступлению. И вдруг тяжело заболел. Болезнь продолжалась около года, и не только не было сил готовиться к вступительным экзаменам, но пришлось совсем отложить учебные занятия. Оправившись от болезни, Александр не оставил намерения стать врачом, но не замедлило явиться другое испытание – умер отец-священник, надо было заботиться об осиротевшей семье, и Александр согласился стать сельским пастырем на приходе отца. Однако Промысел Божий готовил ему иной путь. Как лучший ученик семинарии он получил направление в Московскую Духовную академию для продолжения богословского образования. Здесь, в обители преподобного Сергия, вернулось к нему первое юношеское желание стать священником. Но в сане ли иерея или

священ-ноинка – Александр не знал. И часто, с благоговением склоняясь перед мощами преподобного Сергия, он молился и вопрошал: не остаться ли навсегда в стенах обители? И внутренний таинственный голос ему отвечал:

«Добро есть здесь быти, останься, останься здесь». Но, увы, не послушался он этого внутреннего голоса. Заманчивые предложения мира обольстили его, и он отказался от вступления на монашеский путь.

Блестяще окончив в 1881 году Духовную академию со степенью кандидата богословия, он был определен на должность преподавателя латинского языка в Раненбургское Духовное училище. 7 декабря 1882 года Александр Лаврентьевич был переведен на должность смотрителя Скопинского Духовного училища. Избрав образ жизни семейный, он женился, но здесь его постигло новое горе. После одиннадцатимесячной счастливой жизни он разом потерял и жену, и сына. И только тогда, убитый горем, снедаемый чувством горького сиротства и бесприютности, чувствуя себя как бы лишним на свете, выброшенным из жизни, он понял, что жизненный путь, избранный им, – не его путь; и он спросил себя: неужели же еще нужно усиливаться поймать летучие тени, гоняться за призраками обманчивых наслаждений? И вот блеснул забытый в суете жизни, заслоненный образами мира сего, но никогда не угасавший, благодатный свет Христов и осветил его думы, его чувства, страдание – и осветилось все: и душа, и жизнь. И преклонившись перед неисповедимою волею Божией, Александр на этот раз твердо решил оставить мир, взять свой крест и принять иночество.

7 марта 1885 года он принял постриг с именем Агафангел, а 10 марта рукоположен в сан иеромонаха; в следующем году он был назначен инспектором Томской Духовной семинарии с возведением в сан игумена, а в 1888 году – ректором Иркутской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. По прибытии в Иркутскую семинарию о. Агафангел принялся за созидание соответствующего духовной школе доброго порядка. Самоотвержением и любовью к делу он снискал доверие и благорасположение как среди сослуживцев, так и среди воспитанников.

9 сентября 1889 года в иркутской крестовой церкви состоялось наречение архимандрита Агафангела во епископа Киренского, викария Иркутской епархии; на следующий день в Иркутском Вознесенском монастыре при огромном стечении народа состоялась его хиротония во епископа. В 1893 году епископ Агафангел был переведен на самостоятельную кафедру в Тобольск. Здесь ему пришлось трудиться не только как епархиальному архиерею, но и как миссионеру. Каждый год он предпринимал дальние и долгие путешествия по самым отдаленным уголкам епархии, не предполагая тогда, что через тридцать лет ему снова придется пройти по этим местам, но уже в качестве узника.

В 1897 году он был назначен епископом Рижским и Митавским; в 1904 году возведен в сан архиепископа; в 1910 году назначен архиепископом Виленским и Литовским. Через два года за усердное служение Христовой Церкви владыка Агафангел был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке. В постановлении о награждении писалось о нем как о святителе, отличающемся заботливостью о развитии религиозно-просветительских обществ, в отношении к духовенству и мирянам неизменной благожелательностью, соединенной в то же время с твердостью. В этот период своего служения архиепископ стяжал славу архиерея широких либеральных взглядов. После революции 1905 года, когда многие ее участники в Латвии были приговорены к расстрелу, он выступил с энергичным ходатайством об отмене смертных приговоров. Гражданская власть

удовлетворила ходатайство архиерея, и таким образом многие были спасены от насильственной смерти.

В 1913 году архиепископ Агафангел получил назначение в Ярославль, а в апреле 1917 года был возведен в сан митрополита Ярославского и Ростовского. В Синоде, образованном при Патриархе Тихоне, митрополит был избран в его постоянные члены.

После октябрьской революции, со временем широко разлившейся по всему пространству России гонениями и смутами, пришли испытания, скорби от подчиненных владыке священников. После безбожной революции из Церкви ушли блудники, пьяницы и лихоимцы, волки в овечьей шкуре, чтобы образовать свою обновленческую и живоецерковническую церковь. Уходя, они причиняли Церкви многие досады.

В 1919 году священник села Никольско-Троицкого Тутаевского уезда Немиров овдовел и спустя два года вступил в гражданский брак, за что, в согласии с церковными канонами, был митрополитом Агафангелом запрещен в священнослужении. Немиров пренебрег запретом, собрал прихожан и убедил их, что в Священном Писании нигде не сказано, что вдовый священник не может жениться, и прихожане постановили – приступить Немирову к исполнению обязанностей священнослужителя. Митрополит послал благочинного, чтобы тот разъяснил прихожанам, сколь важны и обязательны для исполнения церковные каноны. Однако единомышленники Немирова пренебрегли запретом митрополита. В конце января в Тутаев прибыл епископ Вениамин (Воскресенский), которому митрополит поручил дело Немирова. В наставлении ему митрополит Агафангел писал:

Архиепископ Ярославский Агафангел

«Вам... нужно туда поехать преподать прихожанам увещание, вразумление, прещения и угрозы. В заключение скажите, что... бывший священник Немиров будет отлучен от Церкви, а вместе с ним и те, кто будет молиться с ним и даже иметь какое-либо общение с ним.

По отношению к Немирову примите крайнюю осторожность. Он, может быть, окажется настолько нагл, что осмелится в облачении и с крестом встречать Вас или учинит другое кощунственное действо, с первого слова Вы все это отклоните и устранили его, приказав ему разоблачиться и уйти из церкви, не преподавая ему даже архиерейское благословение.

Сознаю, что миссия эта для Вас трудная, но твердо уповаю, что Господь поможет Вам совершить ее без тяжелых вздохов и благословит успехом.

Приехать Вам в Никольско-Троицкое лучше всего в праздник, предупредив прихожан о дне и часе своего приезда. Кстати, если Вы прибудете в церковь в то время, когда Немиров будет совершать богослужение или требу, прежде всего прекратите это кощунство».

22 января епископ Вениамин собрал общий сход прихожан, который принял решение уволить Немирова. Но сторонники Немирова собрали свой сход, который постановил, что сход 22 января был незаконным, и решили собраться 5 марта. На сходе 5 марта епископ Вениамин снова прочитал народу указ о лишении Немирова сана, а также за неисполнение распоряжений митрополита отлучение его от Церкви. Но сколько ни старался епископ убедить прихожан согласиться с мнением митрополита и перестать поддерживать нарушителя церковных канон, поставившего себя вне Церкви, ему не удалось убедить шумное собрание. «Если вам так нравится Немиров, – сказал владыка, – ходатайствуйте за него перед митрополитом Агафангелом, а если он откажет – перед Патриархом Тихоном».

Сторонники Немирова не стали обращаться к Патриарху, а обратились к Ленину, требуя от властей, чтобы они предали митрополита Агафангела суду за нарушение декрета о гражданском браке, а также «через подлежащие советской власти юридические органы выяснили... вопрос о праве лиц вдовьего духовенства свободно вступать в гражданский брак, и вправе ли церковная власть делать... насилия... за вступление в гражданский брак». Заявление было переслано в 5-й отдел Наркомюста, а затем в секретный отдел ГПУ Самсонову с резолюцией Красикова: «Дать срочно указание Губотделу о том, чтобы по установлении этого факта подобрали дополнительный материал на архиерея, арестовали и предали суду».

13 мая Ярославское ГПУ дало распоряжение обыскать покои митрополита в Спасском монастыре на предмет поиска церковных ценностей, чтобы (если таковые найдутся) обвинить митрополита в их сокрытии. Сотрудники ГПУ перерыли все сундуки, но кроме домашнего скарба и архиерейских облачений ничего не нашли. 16 мая начальник первого секретного отдела Ярославского ГПУ приказал завести дело на митрополита и принять меры к тому, чтобы выяснить, что собой представляют взгляды и убеждения ярославского архиерея.

Но не просьбы властям отлученного от Церкви священника, не распоряжения наркома юстиции и даже не распоряжение местного ГПУ послужили причиной преследования митрополита Агафангела. Начиналось новое гонение на Православную Церковь. Открывались суды по делу об изъятии церковных ценностей в Иваново-Вознесенске и в Москве.

9 мая власти объявили Патриарху Тихону, что он привлекается к судебной ответственности в качестве обвиняемого по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей.

12 мая 1922 года Патриарх направил председателю ВЦИК письмо: «Ввиду крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить временно, до созыва Собора, во главе Церковного Управления или Ярославского митрополита Агафангела (Преображенского), или Петроградского Вениамина (Казанского)».

После этого обновленцы попытались узаконить свое церковное управление, добиваясь признания его митрополитами Агафангелом и Вениамином. С этого времени дальнейшая участь митрополитов оказалась в зависимости от их отношения к обновленцам. И потому, едва успев взять у Патриарха Тихона документ о передаче власти митрополиту Агафангелу, глава живоцерковников Владимир Красницкий поспешил в Ярославль к митрополиту. Владыку Агафангела он нашел в Толгском монастыре. Красницкий предъявил документ от 3 (16) мая о передаче церковного управления митрополиту Агафангелу.

По прочтении митрополитом документа Красницкий приступил к изложению цели своего визита. Он кратко объяснил, что управление Церковью идет по неправильному пути, что это путь контрреволюции. И его надо изменить. Кое-что в этом направлении уже сейчас делается. Например, в центральных газетах опубликовано воззвание группы священнослужителей.

– Церковь должна держаться вне партии и вне политики, – возразил митрополит.

– Я с вами совершенно согласен, – подхватил Красницкий. – А не могли бы вы эту свою точку зрения изложить письменно?

Эта грубая ретивость Красницкого неприятно поразила владыку и он поспешил отклонить предложение.

Вряд ли Красницкий верил, что сможет убедить митрополита поддержать ВЦУ, куда больше он надеялся на то, что ГПУ арестует митрополита за сопротивление обновленцам. Неужели же ГПУ, обладающее почти безграничной властью, не сможет организовать приход ВЦУ к управлению Православной Церковью? И Красницкий решил не утруждать себя переговорами с дипломатично-сдержанным и твердо-непреклонным митрополитом. Но имея обязательства перед ГПУ выяснить позицию митрополита, он спросил, не подпишет ли митрополит воззвание «инициативной группы духовенства», опубликованное в газетах. Митрополит отказался.

– А позвольте спросить, почему?

– Оно мне мало известно и в широких церковных кругах не обсуждалось, – ответил владыка.

На этом беседа закончилась. В тот же день Красницкий отбыл в Москву, где поставил руководство ГПУ в известность о состоявшемся разговоре. Последствия сказались незамедлительно. На следующий день начальник секретно-оперативного управления ГПУ Менжинский и начальник секретного отдела ГПУ Самсонов отправили в Ярославль шифрованную телеграмму: «Под ответственность начальника ГОГПУ с соблюдением строжайшей конспирации предлагаем провести следующее: 1) обследовать хозяйство митрополита Агафангела, осторожно намекнув на то, что оно может быть реквизировано; 2) немедленно произвести у Агафангела в его канцелярии и у ближайших его

помощников самый тщательный обыск, изъяв все подозрительные документы; 3) взять с Агафангела подписку о невыезде ввиду неблагонадежности; 4) арестовать всех его приближенных, в частности, тех, кто принимал участие в беседе Агафангела с московским попом Красницким; 5) прислать на Агафангела весь компрометирующий материал. Настоящее принять к неуклонному исполнению и хранению в строжайшем секрете».

Телеграмма была получена 20 мая, и в тот же день был выписан ордер на обыск, а сам митрополит приглашен в Ярославское ГПУ для допроса. Следователь интересовался, о чем митрополит говорил с Красницким и каково его отношение к обновленцам. Владыка рассказал, как было дело.

На следующий день в кельях Толгского монастыря был произведен обыск. Изъяли семнадцать писем частной переписки владыки. Осмотрев имущество и хозяйство митрополита, увидели, что мебель у него довольно скудная, а хозяйственного имущества и вовсе нет, так что отбирать по сути дела нечего.

14 июня 1922 года митрополит Агафангел был вызван в ГПУ для допроса. Первый вопрос: отношение митрополита к советской власти.

То, что в особенности отличало митрополита и что было выработано опытом всей долгой жизни, – это непременная трезвость суждений и уравновешенность. Он знал, что не совершит поступка, увлекаемый пристрастием или случайными эмоциями. Опыта юности было довольно, он давно привык подчинять свои мысли и действия воле Божией. Размеренно и взвешенно отвечал митрополит следователю:

– Против существующей власти ничего решительно не имею, все ее распоряжения я исполнял и исполнять буду. Национализации крупной промышленности и крупного землевладения я сочувствую, но признаю желательным это отчуждение компенсировать, признаю необходимым предоставление права на мелкую собственность, то же и в отношении церквей и монастырей. Против запрещения преподавать Закон Божий в *школах* ничего не имею, но не согласен с запрещением преподавания его лицам, не достигшим 18 лет, потому что оно противоречит декрету отделения Церкви от государства. Против изъятия церковных ценностей, имеющих второстепенное значение, если оно не нарушает существенно интересов религии, как, например, изъятие сосудов, в которых совершалось таинство, и снятие риз с особо чтимых икон, – я не протестую.

Спрашивали о церковной власти. Владыка ответил:

– Власть Патриархом передана мне. Распоряжения Высшего Церковного Управления считаю незаконными.

– С кем ведете частную переписку? – спросил следователь.

– С братом... – ответил митрополит.

Следователя интересовало, говорил ли митрополит кому-нибудь о гонении на Церковь. Гонения эти были явны, еще в 18-ом году священников в Ярославской епархии расстреливали по одному подозрению в сочувствии к участникам противобольшевистского восстания.

– Что советская власть занимается гонением на Церковь, этого я никогда не говорил, – отвечал митрополит, – но что в первое время после революции были случаи, которые давали повод так думать, я не отрицаю, но отношу это не на счет власти, а на счет местных исполнителей советских распоряжений.

– Каково ваше отношение к прогрессивному духовенству, призывающему к поддержке советской власти во всех ее начинаниях, как к власти трудящихся? – спросил следователь.

– Я готов их взгляды выслушать, – ответил митрополит, – а что мне известно об их желаниях, то во многом с ними согласен.

На следующий день митрополиту Агафангелу было объявлено, что его ответы достаточно изобличают его в антисоветской деятельности, а посему, чтобы он не скрылся от следствия и суда, он должен дать подписку о невыезде с места жительства.

Патриарх Тихон был под домашним арестом, 1 июня петроградские власти арестовали митрополита Вениамина, а 10 июня начался над ним и частью петроградского духовенства судебный процесс. Теперь и над митрополитом Агафангелом нависла угроза ареста, а это означало, что Русская Православная Церковь может лишиться законного управления. Молчать было нельзя, надо было преподать свое первосвятительское слово. Митрополит считал, что, став заместителем Святейшего Патриарха, он обязан высказать свой взгляд на происходящие события и предложить выход из создавшегося положения.

5(18) июня 1922 года он составил послание к архипастырям и всем чадам Русской Православной Церкви:

«Во имя святого послушания и по долгу моей архиерейской присяги я предположил немедленно вступить в отправление возложенного на меня служения Церкви и поспешить в Москву. Но вопреки моей воле, по обстоятельствам, от меня независящим, я лишен и доныне возможности отправиться на место служения. Между тем, как мне официально известно, явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Церковью русскою. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А потому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными.

Возлюбленные о Господе преосвященные архипастыри! Лишенные на время высшего руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, священными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления высшей церковной власти окончательно решайте дела, по которым прежде испрашивали разрешения Святейшего Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению»¹.

Текст послания митрополит Агафангел продиктовал епископу Вениамину (Воскресенскому) и затем отдал келейнику Василию Морovu, который переписал послание в четырех экземплярах; они были подписаны митрополитом и отданы начальнику канцелярии протоиерею Сергию Лилееву для размножения и рассылки. В Москву митрополит передал два экземпляра для архиепископа Астраханского Фаддея (Успенского) и протопресвитера Николая Любимова.

Послание вызвало у властей беспокойство: принявший власть митрополит твердо стоял в решимости соблюдать церковные каноны и не признавать ВЦУ. 28 июня начальник Ярославского ГПУ распорядился провести у владыки обыск в Толгском монастыре, а самого владыку заключить под домашний арест в Спасский монастырь.

Следователи ГПУ хотели знать, с какой целью митрополит написал свое воззвание. На допросе он ответил: «В целях успокоения умов верующих... я написал воззвание, в котором призывал священнослужителей и верующих не признавать образовавшегося Высшего Церковного Управления из неизвестных

лиц, не имеющих канонических обоснований, это я сделал потому, что хотел успокоить верующих и священнослужителей в ожидании Собора».

В поисках материала для обвинения митрополита в антигосударственной деятельности следователи ГПУ призвали в помощники запрещенного в священнослужении Андрея Немирова. 7 июля он и восемь его единомышленников обратились в Ярославское ГПУ с просьбой: предать суду митрополита Агафангела и епископа Вениамина за лишение сана Андрея Немирова и объявление единомышленников с ним прихожан сектантами. О епископе Вениамине они писали, что «это не архиерей, а палач», так как он является исполнителем воли митрополита; что «в речах своих явно и косвенно давал понять всем, что советская власть – безбожная власть».

Потянулись дни заключения – пока домашнего. К митрополиту никого не пускали, кроме келейника, который не имел права входить к владыке без сопровождения стражника. Стеснения иной раз становились неоправданно жесткими. Имея нужду исповедаться и причаститься, владыка написал прошение в ГПУ, чтобы ему разрешили в один из дней недели быть к вечерне и литургии в Спасском монастыре, но получил категорический отказ.

Время было тревожное. Безбожие снова составляло план физического уничтожения Церкви. В Иванове-Вознесенске расстреляли священников Павла Светозарова, Иоанна Рождественского и певчего Петра Языкова. В Москве расстреляли четверых священников и мирянина². В Петрограде митрополит Вениамин, архимандрит Сергей и двое мирян были приговорены к расстрелу.

Чем дальше, тем сильнее были обеспокоены верующие Ярославля судьбой заключенного митрополита. Многие из тех, кто любил владыку, подходили к стражникам и то упрашивали их допустить к митрополиту, то, видя их непреклонность, стыдили: «Вы не достойны стоять у дверей владыки-митрополита, не то что держать его под стражей». Когда митрополит выходил гулять в маленький внутренний садик, то на площадке второго этажа церкви собирался народ, чтобы хотя бы издали увидеть своего архипастыря. Многие во время этих прогулок пытались проникнуть в сад, но их прогоняли. Они просили разрешить хотя бы взять благословение, но стража была непреклонна, а при попытках настаивать грозились отвести в ГПУ. Угроза была не пустая, и народ мало-помалу расходился. На Преображение, после праздничной службы, перед кельей митрополита собралась толпа – человек триста. Женщины просили, чтобы допустили к владыке взять благословение. Сотрудник секретного отдела ГПУ начальник караула Шаров отказал. Толпа потребовала, чтобы вызвали митрополита хотя бы к окну, чтобы удостовериться, что он жив. Шаров ответил:

– Если вы хотите видеть митрополита и получить от него благословение, то идите за разрешением в городской отдел ГПУ; если он разрешит, я вам его выпущу.

Несколько человек отправились в ГПУ, но там им было категорически отказано. Верующие снова стали просить, чтобы позвали митрополита к окну, но Шаров отказал, и люди, видя неумолимость стражи, стали расходиться, но некоторые все же остались, как бы не в силах в этот великий праздник отойти от домашней темницы не получив от митрополита благословения, не увидев его, не дав и ему своим присутствием видимого знака, что верующий Ярославль болеет о его судьбе и многие хлопчат о его освобождении. Одна женщина выкрикнула:

– Если у них силой не возьмешь, они никогда не выпустят!

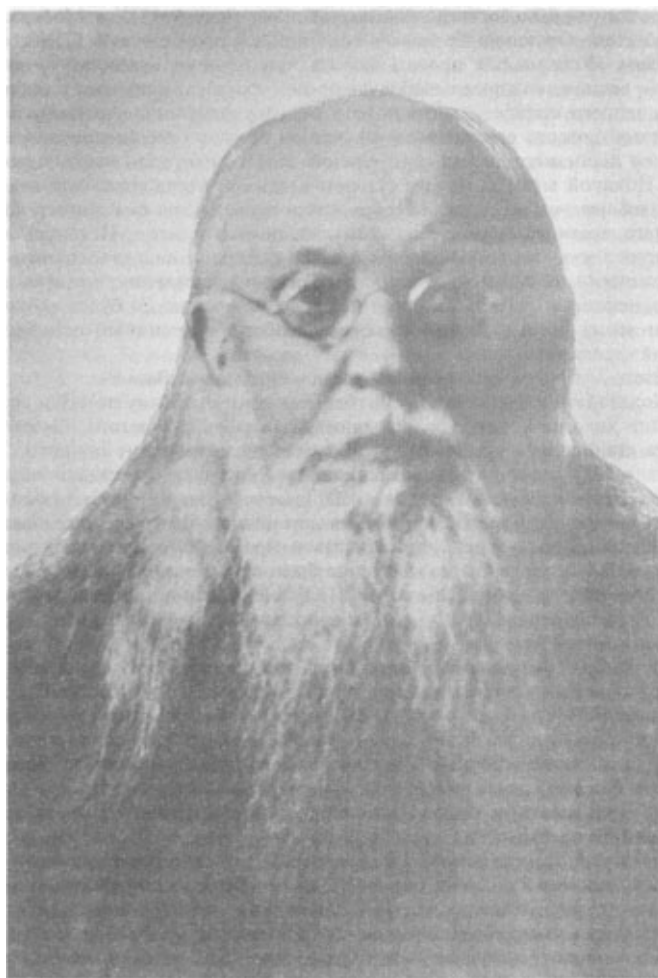
Стражники пытались ее схватить, но не решились далеко отойти от дверей, опасаясь, что тогда толпа ворвется в покои митрополита. Народ подождал еще около часа, а потом все разошлись.

Через три дня после этого владыку перевели из Спасского монастыря в одиночную камеру Ярославской тюрьмы. Состояние здоровья престарелого митрополита сразу настолько ухудшилось, что сотрудники ГПУ вынуждены были вызвать врачей из больницы. Врачи поставили диагноз: общий склероз и склероз сосудов сердца – и рекомендовали полный покой и домашнюю обстановку при постоянном медицинском наблюдении. Условия содержания несколько улучшили: перевели митрополита из тюремного одиночного каземата в комнату при караульном помещении ГПУ и разрешили ежедневную продуктовую передачу.

5 сентября 1922 года помощник уполномоченного Секретного отдела Ярославского ГОГПУ Куликов составил обвинительное заключение по делу митрополита. Его обвиняли в написании воззвания, «в котором он объявляет себя преемником Патриарха Тихона, главой Российской Церкви и вместе с тем объявляет Высшее Церковное Управление властью незаконной и самочинной со всеми вытекающими отсюда последствиями... что... проявил насилие над гражданской свободой совести... к гражданам Николо-Троицкой волости... что они... будут отлучены от Церкви... и объявлены сектантами... и при голосовании приказывал не голосовать за Немирова... Принимая во внимание всё вышеизложенное, то есть наличие... активного и пассивного сопротивления советской власти и то, что при передаче дела в суд указанные преступления могут быть истолкованы в другом смысле, и благодаря старческому возрасту судебное наказание не может быть применено, и принимая во внимание... что Агафантел пользуется громаднейшей популярностью... дальнейшее его содержание под стражей является нецелесообразным, оставление же на свободе... грозит поводом к новому возрождению старой реакционной церкви и подавлению обновленческого в ней движения. Целесообразным полагаю... применить к нему меру административного наказания и выслать в один из отдаленных монастырей, где бы он спокойно и без вреда для советской власти мог провести свои старческие дни»^а.

Святитель был переведен во внутреннюю тюрьму ГПУ в Москве. Узнав об этом, верующие Ярославля обратились к председателю ГПУ с ходатайством. «Усерднейше просим оказать нам великую милость, – писали они, – возможно скорее освободить из-под стражи томящегося в заключении... нашего старца – митрополита владыку Агафангела, о котором мы по чистой совести свидетельствуем, что он страдал совершенно напрасно, являясь лишь жертвою отвратительной злобы некоторой части духовенства.

^а Мы приводим эти обширные выписки, чтобы читатель ясно представил, насколько глубоко и всеохватно было вмешательство государства в дела Православной Церкви и насколько с самого начала была аполитична и лояльна Церковь по отношению к возникшему на территории России безбожному государству. ГПУ хотело бы обвинить митрополита в антигосударственной деятельности, но решительно, несмотря на весь свой штат секретных сотрудников, не могло отыскать подтверждения этим обвинениям и в конце концов обвинило в приверженности православию и верности Церкви.

Митрополит Агафангел. Ярославская тюрьма. 1922 год

Никакой вины за нашим старцем-владыкой перед советской властью нет: наоборот, он всегда, как теперь, так и ранее, являя сам пример лояльнейшего честного гражданина, тому же поучал и нас... И теперь этот, имевший такую завидную и добрую славу в Латвии, наш старец-митрополит томится, несчастный, в заточении Госполитуправления, томится лишь по проискам... озлобленной части нашего духовенства. Да будет скоро положен этому предел! Да будет скорее освобожден невинный семидесятилетний страдалец.

Этого мы просим, об этом мы усерднейше молим Вас».

Ходатайство было оставлено без внимания. Между тем наступали осенние холода, и они для находящегося в тюрьме, одетого по-летнему старца становились чувствительны. 30 октября митрополит попросил следователя ГПУ разрешить ему «написать в Ярославль о высылке меховой рясы, теплого клобука и валенок с калошами». Заявление было оставлено без внимания. Через месяц владыка вторично обратился к следователю ГПУ с просьбой «разрешить написать в Ярославль о присылке зимней одежды». Но и на этот раз заявление было оставлено без ответа. 25 ноября состоялось заседание комиссии НКВД по административным высылкам. Тучков предложил выслать митрополита Агафангела в Нарымский край сроком на три года.

28 ноября митрополиту объявили приговор и в тот же день перевели в Таганскую тюрьму для следования по этапу на место ссылки. Владыка обратился в ГПУ с просьбой, чтобы ему ввиду его болезненного состояния и преклонного возраста были выданы теплые вещи и разрешено следовать на место ссылки

одиночным порядком с конвоиром, которого он готов содержать на свои средства. «Неудовлетворение оно, – писал он, – опасно для моей жизни, и я вынужден решительно просить об удовлетворении изложенной просьбы».

Но именно смерти митрополита хотели те, кто отправлял его в Нарымскую ссылку. Тучков распорядился в следовании одиночным порядком отказать, отправить митрополита общим этапом, теплые вещи выдать.

Владыку должны были отправить с этапом в конце декабря, но состояние его здоровья настолько ухудшилось, что он был оставлен еще на неделю в тюрьме. Несмотря на немощи и преклонный возраст, когда условия тюремного заключения переносятся особенно тяжело, митрополит никогда не падал духом. Наивернейшей его опорой было Слово Божие, в котором он поучался и день, и ночь. Не с человеческим разумом он советовался в трудных обстоятельствах жизни, а со Священным Писанием. И в тюрьме оно явилось для него огромной поддержкой. Он по целым дням не расставался с Библией. Заключение, бывшие с ним в одной камере, были направления светского, ко всему церковному относились насмешливо, но и их поразили и вызвали удивление и даже преклонение молитвенный настрой старца и его любовь к Богу.

Не помогли ни заступничество врачей, ни просьбы православных – митрополит Агафангел был отправлен общим этапом с уголовниками, проехал через все пересыльные тюрьмы до Томска и от Томска еще несколько сот километров по грунтовой дороге. Владыка болел, испытывал много лишений, много скорбел, но смирялся и кротко терпел все невзгоды. По распоряжению ГПУ его поселили в глухом поселке; служить ему было запрещено. Здесь большим для него утешением стала встреча с ссыльными иноками и священниками из Ярославля. В ссылке он получил известие о кончине Патриарха Тихона и о восприятии поста Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Петром (Полянским).

По окончании срока ссылки, в августе 1925 года, владыке было объявлено, что власти не будут препятствовать возвращению его в Ярославль.

В это время секретный отдел ГПУ строил дальнейшие планы раскола Русской Православной Церкви. Была организована группа архиереев во главе с архиепископом Григорием (Яцковским), которая готовилась для захвата церковной власти после ареста митрополита Петра. Преследуя цель раскола и уничтожения Церкви, ГПУ отводило в этом замысле место и митрополиту Агафангелу. Предполагалось в нужный момент предложить ему как второму кандидату вступить на пост Патриаршего Местоблюстителя в соответствии с завещанием Патриарха Тихона, с тем, чтобы якобы спасти Православную Церковь от анархии и церковной разрухи, а на самом деле породить этим еще один раскол. Ради осуществления замысла ГПУ митрополит был задержан более чем на полгода в Пермской тюрьме. Тучков просил владыку своим авторитетом спасти положение в Церкви. Он рассказал, что Местоблюститель Петр арестован, но, находясь в тюрьме, он благословил образовавшуюся по почину архиепископа Григория архиерейскую коллегия по управлению Церковью. Но заместитель Патриаршего Местоблюстителя Сергей, митрополит Нижегородский, объявил коллегия незаконной и запретил архиепископа Григория в священнослужении. Теперь между митрополитом Сергием и архиепископом Григорием идет война за церковную власть, и это вносит настоящую разруху в церковную жизнь. Среди верующих растет смятение. Между тем советское правительство готово изменить свое отношение к Православной Церкви и легализовать церковное управление.

Но в данный момент это невозможно, потому что власти не знают, с кем вести переговоры и кто стоит во главе управления Церковью. Лично он, Тучков, не видит выхода из создавшегося положения, если не примет на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя митрополит Агафангел; митрополит – старейший архиерей Православной Церкви, он был назначен заместителем Патриарха еще в 1922 году, в конце концов, он обладает среди архиереев огромным авторитетом как один из разумнейших и умеренных деятелей. Тучков обещал, что если митрополит возьмет на себя обязанности Местоблюстителя и войдет в переговоры с правительством о легализации церковного управления, то со стороны ОГПУ возражений не будет. Тучков призывал митрополита к жертвенности – ради благоустроения Церкви.

Положение церковное, обрисованное Тучковым, вызвало у митрополита столь сильное беспокойство, что не оставалось места догадкам о коварстве и хитрости следователя. Главные мысли, чувства, побудившие старца к решению принять пост Местоблюстителя, – это жажда жертвенного служения Православной Церкви, установление мира церковного, прекращение распри, защита Церкви от пытающихся расхитить церковное стадо обновленцев. Положение было столь серьезно и требовало, казалось, вмешательства столь спешного, что не настоял митрополит перед ГПУ на предварительной личной встрече с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром и его заместителем митрополитом Сергием.

18 апреля 1926 года митрополит Агафангел составил в Перми воззвание, в котором объявил, что он вступает в права Патриаршего Местоблюстителя³. Не покидая Перми, он начал рассылать его епархиальным архиереям. Три экземпляра были посланы в Харьков, где проживало тогда восемь епископов. Ознакомившись с воззванием митрополита Агафангела и обсудив создавшееся положение, архиереи пришли к твердому решению признавать Патриаршим Местоблюстителем только митрополита Петра; выступление митрополита Агафангела признать разрушительным для Церкви расколом. И с этим послали ответное письмо митрополиту Агафангелу. Они увещевали его отказаться от раскольнической деятельности и не вносить в Церковь смуту. Кроме того, они объясняли свое отношение к Патриаршеству и к коллегиальному церковному управлению, признавая последнее безусловно неканоничным^b.

Экземпляр воззвания митрополит Агафангел послал и митрополиту Сергию, причем доставлено оно было с необыкновенной скоростью, буквально в два дня. Ознакомившись с ним, митрополит Сергей стал добиваться от ОГПУ разрешения обменяться письмами с митрополитом Петром относительно происшедшего. Тучков с удовольствием дал на это согласие, предполагая впоследствии воспользоваться перепиской для углубления и расширения распри между правящими архиереями. 22 апреля в тюрьме состоялся обмен письмами между

^b ГПУ хорошо понимало, какие цели оно преследует. Вскоре епископы, оказавшие сопротивление намерениям митрополита Агафангела стать Местоблюстителем, были арестованы. Обвинительное заключение, составленное в 6-м отделе СО ОГПУ в Москве, гласило:

"Галалюк Антон Максимович (епископ Онуфрий), Ващенко Дмитрий Васильевич (епископ Феодосии) и Линчевский Андрей Константинович (епископ Филарет) среди церковников и верующих г. Харькова распространяли воззвание... к-р содержания, в котором призывали верующих беречь патриаршую форму правления Церковью и не допускать коллегиального управления..." Такова была реакция архиереев на Украине. Таков был ответ ГПУ — приговорить епископов к ссылке.

Патриаршим Местоблюстителем и его заместителем. Митрополит Сергей сообщил Местоблюстителю, что возвращающийся из ссылки митрополит Агафангел намерен вступить в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Зная прямой и открытый характер владыки Петра, его неприятие всякого лукавства и коварства, от кого бы они ни исходили, митрополит просил Местоблюстителя, чтобы он повременил с передачей прав. Ему было ясно, что это всего лишь новая затея ГПУ. Местоблюститель уклонился от высказывания какой-либо категоричной позиции, но заместительских обязанностей с митрополита Сергея не снял.

26 апреля митрополит Агафангел написал митрополиту Сергию: «Имея в настоящее время возможность осуществить возложенные на меня Святейшим Патриархом, ныне в Бозе почившим, обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола, я вступил в управление Российской Церковью... покорнейше прошу оповестить о сем вверенную Вам епархию, причем, нуждаясь в особой милости и помощи Божией, усердно прошу Вас, Владыка, и всех верных чад нашей Православной Церкви молиться за меня Воздателю всяческих и Промыслителю Богу, возглашая за богослужениями наше имя, согласно существующим на сей счет церковным правилам».

Уже зная о воззвании митрополита Агафангела и о позиции митрополита Петра, оставившего за ним в письме от 22 апреля права заместителя, митрополит Сергей 28 апреля отправил в Пермь владыке Агафангелу письмо с изложением своей позиции. Письмо уже не застало митрополита в городе. Через два дня митрополит Сергей послал владыке второе письмо, отказываясь признать бесспорными права митрополита Агафангела на местоблюстительство. Во-первых, в силу того, что от них не отказывался митрополит Петр, который «считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был не на свободе», и, во-вторых, потому, что в распоряжении Патриарха Тихона не оговорено, что тот, кто принял власть, принял ее «лишь временно, до возвращения старейших кандидатов. Он принял власть законным путем, следовательно, может быть ее лишен только на законном основании, т.е. или в случае добровольного отказа, или по суду архиереев.

Как видите, вопрос о вступлении Вашем в должность Местоблюстителя, – писал митрополит Сергей, – решается далеко не бесспорно. И я, при всем своем желании освободиться от возложенного на меня бремени, не могу Вам безотлагательно передать власть. Поэтому прошу Вас несколько задержаться со вступлением. Боюсь, что в данных условиях оно приведет к великому смущению среди православных, и так уже исстрадавшихся непрекращающимися распрями архиереев».

1 мая митрополит Агафангел прибыл в Ярославль. Духовенство города было извещено о приезде владыки заранее, и его встречали на вокзале священники Смирнов, Невский, Понгильский, Лилеев и Дореватовский. Митрополит сообщил духовенству, что он является Местоблюстителем Патриаршего Престола, и вручил им по экземпляру своего обращения к архипастырям и пастырям, распорядившись распространить его в городских храмах.

В этот последний период своей жизни в Ярославле владыке пришлось принять много скорбей. Некоторые священники ушли в обновленчество, часть их теперь возвратилась, некоторые остались в прежнем заблуждении. Митрополит вернулся в Ярославль исповедником святого православия, претерпев узы за сопротивление попыткам обновленцев захватить церковную власть и сокрушить

Российскую Церковь. Он и теперь принял пост Местоблюстителя исключительно для того, чтобы воспрепятствовать анархии в Церкви. Многие ярославские священники совершенно не поняли намерений святителя. Не поняли его и викарные архиереи. Через несколько дней после прибытия митрополита в Ярославль его посетил архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых). Архиепископ упрекал его в узурпации власти и настойчиво убеждал владыку отказаться от должности Местоблюстителя и не ссориться с митрополитами Петром и Сергием. Тогда же приехал в Ярославль архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). Он горячо убеждал митрополита отказаться от местоблюстительства. Рассказывают, что при встрече с митрополитом Агафангелом архиепископ встал на колени и сказал:

— Я с вами служить не могу, вы незаконно захватили церковную власть.

— А я вас об этом и не прошу, — спокойно ответил владыка. Архиепископы Иосиф и Серафим смотрели на замещение митрополита Сергия как на совершенно законное, а кроме того, и сам авторитет митрополита Сергия в это время в их глазах был очень высок^с, и потому они однозначно расценили шаг митрополита Агафангела как честолюбивую попытку захватить церковную власть, воспользовавшись тем, что митрополит Петр находится в заключении. Большого оскорбления владыке трудно было нанести, доставить унижение горшее.

Третий ярославский викарий, архиепископ Варлаам (Ряшенцев), занял сторону митрополита Агафангела, но молча, не вмешиваясь в конфликт. Он не чувствовал себя в области церковной политики, настолько уверенно, чтобы принимать решения в сложных вопросах и настаивать на них, как это делали архиепископы Иосиф и Серафим. Некоторые настоятели ярославских храмов перестали поминать за богослужением митрополита Агафангела, но большинство храмов приняло воззвание владыки удовлетворительно, многие и тому были рады, что в Ярославль вернулся святитель, имевший бесспорный авторитет православного архипастыря, укрепляющий их против обновленцев.

13 мая митрополиты Агафангел и Сергей встретились в Москве. Несмотря на уверенность митрополита Сергия, что вся история с объявлением владыки Агафангела Местоблюстителем представляет собой интригу ГПУ, при личной встрече он увидел, что сам владыка настаивает на передаче ему местоблюстительских прав, хотя за две недели пребывания в Ярославле и в Москве должен был получить полные сведения о происходящем в Церкви. Владыка Агафангел настаивал на законности своих прав на церковное управление — как старший иерарх и как иерарх, назначенный заместителем Патриарха Тихона в 1922 году. При этом он ссылался на постановление Поместного Собора 1918 года о местоблюстительстве, полагая, что власть Местоблюстителя должна перейти к старейшему архиерею, то есть к нему. Приехав в Нижний Новгород, митрополит Сергей изучил постановление Поместного Собора, касающееся местоблюстительства, и увидел, что права митрополита Агафангела не бесспорны и в данном случае объявление его Местоблюстителем является покушением «низвергнуть своего законного главу (первого епископа) и восхитить его права и власть».

^с В особенности потому, что заместитель Местоблюстителя непримиримо держался с обновленцами, твердо следуя позиции Патриарха Тихона и митрополита Петра, и решительно сопротивлялся попыткам властей внести в церковное общество раскол с помощью группы архиепископа Григория.

Не дождавшись от митрополита Сергия письма о передаче церковной власти, митрополит Агафангел 20 мая послал в Нижний Новгород телеграмму: «Вы обещали прислать проект письма владыкам о передаче мне полномочий церковной власти, благоволите ускорить».

В тот же день митрополит Сергей ответил телеграммой: «Проверив справку, я убедился в отсутствии Ваших прав; подробности письмом. Усердно прошу: воздержитесь от решительного шага».

На следующий день митрополит Агафангел послал митрополиту Сергию ответную телеграмму: «...Вы при свидетелях определенно изъявили согласие передать мне права, дела, управление, обещались известить иерархов об этой передаче... Теперь Вы, к удивлению моему, отказываетесь от передачи и тем готовите новую смуту. Вынужден буду сделать решительный шаг, опубликовать через особое послание результаты нашего соглашения и Ваш последующий отказ. Всякую ответственность за последствия с себя снимаю».

Убеденный в своей правоте, митрополит Сергей 23 мая писал митрополиту Агафангелу: «Я только проверил справку, на которую с полной уверенностью Вы ссылались, как на подтверждавшую Ваше право возглавить нашу Церковь даже теперь, при жизни законного Местоблюстителя (в каковой уверенности издано и Ваше послание в Перми). Проверив же, я убедился, что эта справка не только не подтверждает Ваших прав, но даже ограничивает их сравнительно с тем, какими я их представлял ранее. Оказывается... что прав на возглавление нашей Церкви или на Местоблюстительство Вы не имеете и, следовательно, присвоение Вами этой должности должно быть рассматриваемо как самочинное восхищение достоинства и власти первого епископа, т.е. весьма тяжкое преступление против канонов, караемое, как известно, лишением сана... Ясно, что соглашение, заключенное при таких ошибочных данных, никогда не может быть признано обязательным и подлежит немедленной отмене; ни Вы не имеете права (а, убедившись, не будете иметь и желания) настаивать на непременном его исполнении и на передаче Вам Местоблюстительства, ни я не имею права уступать Вашим требованиям... Ввиду всего вышеизложенного, я решительно отказываюсь от исполнения нашего соглашения и не считаю себя вправе передать Вам власть Местоблюстителя. Признавая все же по-прежнему законным носителем власти первого епископа митрополита Петра, а себя его законным заместителем... усердно и почтительно, но и настоятельно прошу Вас... немедленно отказаться от Ваших притязаний на должность Местоблюстителя, отменить выпущенное Вами в Перми послание... благоволите теперь же сделать архипастырское распоряжение по церквям Ярославской епархии о поминовении Местоблюстителя Митрополита Петра, а равно и сами возобновите таковое поминовение при первом Вашем богослужении.

Если же Вам неуютно будет подчиниться этому моему, как заменяющего Патриаршего Местоблюстителя, распоряжению, то настоящим моим к Вам посланием я, впредь до рассмотрения Вашего дела собором епископов, освобождаю Вас от попечения о Ярославской епархии...» .

Несогласие викарных архиереев и части ярославского духовенства, жесткость позиции, занятой митрополитом Сергием, вероятность поднятия новой церковной смуты, если между ними продолжится спор о местоблюстительстве, поддержка многими архиереями митрополита Сергия – все это начинало склонять владыку Агафангела к решению отказаться от местоблюстительства. И 27 мая он послал митрополиту Сергию телеграмму:

«Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений. Распоряжение о поименовании Митрополита Петра сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от местоблюстительства».

Но Тучков никоим образом не желал прекращения церковной смуты и теперь усиленно убеждал находящегося в одиночном заключении Местоблюстителя митрополита Петра, что при сотрясающих Церковь смутах все архиереи и большинство мирян желают успокоиться и обрести духовный мир под авторитетным водительством митрополита Агафангела^d. Церковь жаждет и ждет, чтобы права Местоблюстителя были переданы именно ему. И как тут было не согласиться и не начать действовать, поначалу осторожно, не передавая прав, но и не препятствуя владыке Агафангелу воспринять эти права. Окончательную передачу прав Местоблюстителя митрополит Петр отложил до возвращения из ссылки первого кандидата на этот пост, митрополита Кирилла (Смирнова).

Через несколько дней, словно для того, чтобы поддержать раздор церковный и смуту душевную и вновь вкусить горечь всех этих препирательств, митрополит Агафангел получил от Местоблюстителя письмо, написанное им еще 22 мая: «...узнал, что Ваше Высокопреосвященство изволите вступить в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. С любовью и благожелательно приветствую это Ваше вступление. По выходе на свободу, если будет угодно Господу Богу, переговорим лично о дальнейшем возглавлении Православной Церкви. О настоящем моем решении благоволите сообщить Митрополиту Сергию».

1 июня митрополит Агафангел был в Москве, куда пригласил и митрополита Сергия, чтобы лично показать ему письмо Местоблюстителя, и некоторых архиереев, чтобы, имея в руках письмо митрополита Петра, решить окончательно вопрос об управлении Церковью. Не дождавшись митрополита Сергия и не получая от него никаких известий, владыка Агафангел 4 июня послал в Нижний Новгород письмо с приложением копии письма Местоблюстителя. Митрополит Сергей, получив телеграмму-приглашение, выехать не смог, потому что с него была взята подписка о невыезде. Видя, однако, что письмо владыки Петра утвердило митрополита Агафангела в решимости занять пост Местоблюстителя, митрополит Сергей начал собирать мнения архиереев по этому вопросу.

В эти же самые дни церковных распрей митрополит Сергей вступил в переговоры с властями о легализации церковного управления и подал им свой проект декларации. Попыткам митрополита Агафангела занять пост Местоблюстителя он твердо решил сопротивляться как незаконным, с которыми не согласно и большинство архиереев. Владыке Агафангелу митрополит Сергей писал:

«По общему нашему убеждению, Ваше Высокопреосвященство не можете в настоящее время занять должность Местоблюстителя ни помимо митрополита Петра, как Вы это пытались сделать, издав свое Пермское послание, ни через митрополита Петра, как Вы это надеетесь сделать теперь. В первом случае не можете потому, что не имеете на это звание и должность никаких лично Вам принадлежащих прав... Во втором случае потому, что митрополит Петр,

^d На заседании комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б) постановили: "Вести линию на раскол между митрополитом Сергием... и митрополитом Агафангелом... укрепляя одновременно третью, тихоновскую, иерархию... во главе с архиепископом Григорием... выступление Агафангела с воззванием к верующим о принятии на себя обязанностей Местоблюстителя признать своевременным и целесообразным".

передавший мне хотя и временно, но полностью права и обязанности Местоблюстителя, и сам, лишенный возможности быть надлежаще осведомленным о состоянии церковных дел, не может уже ни нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими. С другой стороны, я (или кто будет после меня), восприняв на себя вместе с должностью Местоблюстителя и всю ответственность за правильное течение церковных дел, не могу относиться к распоряжениям митрополита Петра, исходящим из тюрьмы, иначе, чем только как распоряжениям или, скорее, советам лица безответственного, т.е. могу принять их к исполнению лишь под своей ответственностью постольку, поскольку нахожу их полезными для Церкви. Такое понимание смысла и последствий временной передачи Местоблюстителем своей должности... является для нас и практически необходимым, потому что только при нем мы можем считать обеспеченной каноническую устойчивость нашего церковно-правительственного строя... Допустим на минуту, что я бы изменил свое отношение к распоряжениям, исходящим из тюрьмы, и, возлагая всю ответственность за последствия на митрополита Петра, передал бы Вам должность. Весьма вероятно, и Вам пришлось бы бороться с каким-нибудь самочинным покушением на власть «первого епископа». Правда и успех на Вашей стороне; борьба готова кончиться благополучно. И опять Вам в спину из тюрьмы исходит распоряжение, признающее законным Местоблюстителем того, против которого Вы боролись. Сами получив власть через такое же исходящее из тюрьмы распоряжение, Вы лишены будете возможности что-нибудь возразить против нового, тоже тюремного распоряжения, и наша Церковь окажется на краю анархии.

Вот почему наш Собор определил, чтобы Патриарх заранее, еще будучи на свободе, назначил себе временного преемника, которому бы и передавал все свои права и обязанности. Следуя этому определению, мы утверждаем: пусть митрополит Петр остается законным Местоблюстителем и пусть его имя возносится за богослужением; но исполнение его распоряжений, исходящих из тюрьмы, мы отложим до того времени, когда он сам возвратится к власти и, вполне отвечая за свои действия, решит, исполнить ли эти распоряжения или нет...»

14 июня он выслал это письмо митрополиту Агафангелу, приложив к нему письменное мнение архипастырей Украины и присоединившихся к ним единомышленников с митрополитом Сергием архиереев.

Переставление из позиции защитника православия, за что митрополит Агафангел потерпел тюремное заключение и ссылку, в положение едва ли не расколоучителя, как это представил митрополит Сергей, неприятно поразило старца. Расколоучителем он никоим образом не был и быть не желал. Владыке Агафангелу исполнился семьдесят один год, время подводило, его к последней черте земной жизни, и он все острее сознавал, что надо готовиться к переходу в мир вечный. Столкнувшись с непреклонной позицией митрополита Сергия и единомышленников с ним архиереев, не желая быть виновником новой смуты, он решил отказаться от притязаний на пост Местоблюстителя и 8 июня уведомил о своем решении гражданские власти.

ГПУ, однако, решило довести свой замысел раскола до конца. Тучков уговорил митрополита Петра передать обязанности Местоблюстителя митрополиту Агафангелу (уже зная, что тот отказался). 9 июня Местоблюститель отправил митрополиту Агафангелу письмо, в котором подтверждал «передачу

ему местоблюстительских прав и обязанностей...» Господь вразумил, однако, сделать важную оговорку, ограждавшую Церковь от той анархии, которая наступила бы в случае отказа от местоблюстительства владыки Агафангела и отсутствия законного преемника на этот пост: «В случае отказа митрополита Агафангела от восприятия власти или невозможности ее осуществления, права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а замещение – к митрополиту Сергию».

Все эти события сильно расстроили здоровье владыки Агафангела и, желая его поправить, он в середине июня уехал из Ярославля в деревню, неподалеку от Толги. Здесь он снял комнату. Сам хозяйствовал, колол дрова для печи, варил обед. В это время казалось, что все епархиальные и общецерковные дела отошли для него на задний план.

29 октября 1926 года заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей был арестован. В управление Российской Православной Церковью вступил архиепископ Иосиф (Петровых), но 8 декабря 1926 года он издал распоряжение о передаче власти одному из трех назначенных им заместителей: архиепископам Екатеринбургскому Корнилию (Соболеву), Астраханскому Фаддею (Успенскому) и Угличскому Серафиму (Самойловичу). Архиепископ Корнилий не смог приступить к своим обязанностям, так как находился в ссылке. Архиепископ Фаддей был задержан Тучковым на пути в Москву, и во временное управление Российской Православной Церковью вступил архиепископ Серафим.

В декабре владыка Агафангел вернулся в Ярославль. Поначалу он снял небольшую комнату в частном доме, где у него была и столовая, и спальня, и канцелярия, здесь он принимал приходящих к нему по духовной надобности священнослужителей и мирян. Только уже незадолго до его кончины верующие выстроили митрополиту отдельный домик, где у него были три небольшие комнаты. Странное положение установилось в епархии. Митрополит Агафангел был правящим архиереем, а подчиненный ему викарий, архиепископ Серафим, был главой всей Российской Православной Церкви. Но митрополит не возражал. Он правил Ярославской епархией в тех условиях, в которые его поставил Господь, понимая, что при богоборчестве, принятом властями за официальную идеологию, многими расколами могли кончиться разномыслия архипастырей, пастырей и православных мирян. И он не вмешивался в обще церковные распоряжения архиепископа Серафима, которые тот отдавал приезжавшим архиереям.

Архиепископ Серафим вскоре был вызван в Московское ГПУ, где Тучков предложил ему принять свои условия легализации. Архиепископ отказался, сославшись на то, что он не может принимать принципиальные решения в отсутствие старших архиереев. В начале апреля 1927 года из заключения был освобожден митрополит Сергей, и 7 апреля архиепископ Серафим сдал ему дела управления. Церковная жизнь в Ярославской епархии вошла в обычное русло, и казалось, что время расколов прошло.

29 июля появилась декларация митрополита Сергия⁴. В Ярославской епархии она не вызвала никакой реакции. Владыка Агафангел, прочитав декларацию, послал протоиерея Дмитрия Смирнова в цензуру испросить разрешения на распечатку. В цензуре согласились, но с условием не печатать никаких отдельных посланий, в которых бы эта декларация комментировалась^е.

^е Ярославские цензоры отказались печатать комментарий митрополита Агафангела не потому, что предполагали, что он будет антигосударственным или подрывающим авторитет митрополита

Выслушав о. Димитрия, митрополит решил совсем отказаться от печатания. Неудобно было бы ему, бывшему кандидату в Местоблюстители, печатать декларацию митрополита Сергия и не выступить со своим архипастырским словом.

Викарий Ярославской епархии архиепископ Иосиф (Петровых) был возведен митрополитом Сергием в сан митрополита и получил назначение на Ленинградскую кафедру, но ГПУ запретило ему въезд в город. Тогда митрополит Сергей назначил его в Одессу, но туда владыка Иосиф не поехал сам. Оба викарных архиерея митрополита Агафангела, архиепископы Иосиф и Серафим, были против декларации митрополита Сергия. И как горячо убеждали они старца всего год назад отказаться от притязаний на пост Местоблюстителя и не ссориться с митрополитами Петром и Сергием, так же горячо теперь они убеждали его отделиться от заместителя Местоблюстителя. Спорили с митрополитом Агафангелом с такой несомневающейся убежденностью, с такой решимостью идти по выбранному пути до конца, что владыка-старец видел – назревают новая смута и раскол.

В конце 1927 года некоторые архиереи заявили о своем отделении от митрополита Сергия, высказав намерение править епархиями самостоятельно. В начале января 1928 года к митрополиту Агафангелу пришли архиепископ Угличский Серафим и митрополит Иосиф и стали убеждать владыку отойти от митрополита Сергия. То, чем дорожил владыка Агафангел более всего – мир церковный – явно нарушался. И архиепископ Серафим, и митрополит Иосиф в своих убеждениях были непреклонны. Митрополит Иосиф, оставшийся без кафедры, с неясной перспективой относительно своего места в церковной иерархии, готов был пойти на крайние действия. Разговор был столь тяжел, что после отъезда архиереев у митрополита случился сердечный приступ. И затем здоровье его настолько ухудшилось, что 30 января он совершил в ярославском Свято-Духовом храме свое последнее богослужение и уже не смог служить до самой кончины.

Назревающие церковные расколы, угроза ярославской пастве обуться религиозными смятениями – все это окончательно сокрушило здоровье владыки. Два года прошло, как окончилась ссылка митрополита-исповедника, но оказалось, что трудности тюремного заключения и ссылки переносимы легче, чем те внутренние скорби, которые обрушились на него теперь, глубоко раня душу и сердце. По правде сказать, он от самого своего освобождения из Пермской тюрьмы весной 1926 года не знал отдохновения и покоя. Угрозы расколов и смятений, опасение послужить им каким-либо своим действием или словом, сделать что-либо к соблазну верующих – это ощущалось тяжелее, чем гонения от безбожников за имя Христово и ссылка. А возраст уже таков, что не будет времени исправлять ошибки. Не будь горячей настойчивости архиереев, не будь вроде бы достоверных сведений, что в других епархиях царит церковная смута и многие отделяются от митрополита Сергия, митрополит Агафангел вряд ли подписал бы какой-либо документ, касающийся вопросов церковной политики.

Сергия, а чтобы досадить владыке. Они даже не поинтересовались, какого рода комментарий желает опубликовать митрополит. Между тем, опубликование подобных комментариев в виде особых посланий было делом довольно обычным. 17 ноября было опубликовано послание экзарха Украины митрополита Михаила (Ермакова), 14 декабря архиепископа Вятского Павла (Борисовского).

На именины митрополита Агафангела 5 февраля съехались поздравить владыку викарные архиереи – архиепископы Серафим (Самойлович), Варлаам (Ряшенцев) и епископ Ростовский Евгений (Кобранов), приезжали поздравить священники и миряне. На следующий день митрополит передал своему секретарю протоиерею Димитрию Смирнову декларацию об отделении от митрополита Сергия и попросил, чтобы тот отнес один экземпляр в местное ТПУ, а другие раздал благочинным⁵. После того как ярославская декларация была предана огласке, с митрополитом случился новый сердечный приступ, а затем сердечные приступы не оставляли его до самой кончины.

Митрополит Сергий, получив документ об отходе от него Ярославской епархии, был чрезвычайно обеспокоен этим обстоятельством. Ширилось церковное движение, которое, как он считал, не имеет положительной перспективы. Девятнадцатый век не вернется, советская власть будет еще долго править страной. Все старые общественные движения, боровшиеся с нею, выдохлись, а она так поставила дело воспитания молодежи, что совершенно отделила ее от Православной Церкви. У Церкви не осталось никакой возможности воспитывать детей. Через десяток-другой лет вырастет поколение, для которого Православная Церковь с ее церковно-славянским языком, древним богослужением будет выглядеть музейной реликвией. Отход митрополита Агафангела только умножал общее смятение. На этом фоне агенты советской власти будут делать все, чтобы углублять и укреплять расколы⁶.

Митрополит Сергий послал митрополита Серафима (Александрова) в Ярославль с объяснениями подробностей настоящего церковного положения, желая убедить митрополита Агафангела отказаться от организации автокефалии в Ярославской епархии. Митрополит Сергий писал: «Со своей стороны не нахожу достаточно сильных слов, чтобы умолять Вас сохранить общение с нами, потерпев еще немного нашим немощам, пока не выяснится с определенностью, куда мы хотим вести церковный корабль: к сравнительно ли сносному существованию в данных условиях или к гибели, стремимся ли мы к утверждению веры или жертвуем ею ради личного благополучия. Разорвать общение всегда можно, если будут к тому несомненные основания; но разрывать общение и раскалывать тело церковное по причинам воображаемым и еще только ожидаемым и предполагаемым, подумайте, какой это рискованный и ответственный шаг и к каким последствиям это может повести и для Церкви, и для самого учиняющего...

Но мы с Вами подошли уже к той черте, у которой все земные ценности и всякие земные счета теряют свою абсолютную значимость; и остается только одно: дать добрый ответ на судище Христовом. Во имя этого нашего общего упования и во имя блага святой Церкви прошу Вас и молю, не разрывайте общения с нами, не переходите на сторону наших врагов, которых у нашего дела и без того много. Оставайтесь с нами и своим авторитетным именем и своим мудрым советом поддержите наши усилия над устройением церковных дел и тем остановите и начинания других, стремящихся к разделению. Поверьте, что ни веры святой мы не предаем, ни от свободы церковной мы не отрекаемся и не намерены отречься. Мы только не закрываем глаза на ту обстановку, среди которой нам приходится действовать, и полагаем, что, как бы ни связывала нас эта обстановка, мы не можем оправдать ею своей бездеятельности: мы должны действовать и делать то, что можем в данных условиях...»

Ярославские архиереи остались при прежней позиции, и митрополит Сергий послал к ним еще раз для объяснений архиепископа Вятского Павла

(Борисовского), передав с ним письмо. Митрополит Агафангел уклонился от прямого ответа, сославшись на то, что ни митрополита Иосифа, ни архиепископа Серафима нет уже в Ярославской епархии.

В ответ митрополит Сергей писал: «Ваше Высокопреосвященство утверждает, что раскола Вы учинять не намерены, так как «отделяетесь не по разномыслию в вере, а только в порядке административного управления». Но по мысли канонов расколом называется именно разделение не из-за веры, а из-за вопросов, допускающих врачевание, или же из-за нежелания подчиниться распоряжению законной церковной власти («самочинное собище»). Что же касается сохранения молитвенного общения при административном разрыве, то можно весьма сомневаться даже в том, возможны ли вообще или, точнее, канонически законны ли такие отношения между двумя архиереями, принадлежащими к одной и той же Поместной Церкви и признающими над собою одного и того же духовного главу в лице первого епископа. Но если такие отношения и возможны где-либо фактически, то только между архиереями, административно друг от друга не зависимыми и не связанными друг с другом никакими обязательствами. Между тем, по распоряжению нашего первого епископа я имею тяжкий долг заменять его; несу все его обязанности по управлению Русской Церковью и потому имею право ожидать от своих собратий-епископов того же канонического послушания, какими они обязаны по отношению к самому первому епископу. Объявить себя состоящим в послушании первому епископу и в то же время административно порвать с заместителем, которого первый епископ поставил, значило бы противоречить самому себе. *«Приемляй, аще кого пошлю, Мене приемлет»* (Ин. 13, 20) и, наоборот; это общий закон, не допускающий исключений.

Таким образом, административный разрыв со мною – заместителем первого епископа Русской Церкви не может быть признан деянием безразличным для епископов той же Церкви, а будет, несомненно, оценен с канонической точки зрения, как отказ в послушании первому епископу. А такой отказ не считается по канонам наказуемым только в том случае, когда первый епископ всенародно начнет проповедовать заведомую ересь. Вот почему митрополит Иосиф и его достойные сотрудники истощают свои силы, стараясь подвести мои административные действия (охотно допускаю, небезошибочные) под понятие ереси; обвиняют меня в предательстве (традиторстве) и в поругании Церкви, и в отречении от Христа, от Бога и, наконец, от вечного спасения, что-де еще хуже ереси. Но чем ужаснее обвинения, чем чудовищнее делаемые из них выводы, тем настоятельнее требуется их фактическая проверка, притом не любителями-добровольцами, а вполне компетентным и авторитетным органом церковного суда – собором епископов. Разрыв же общения со мною раньше приговора такого собора, из-за каких-либо неправильных административных распоряжений, тем более без фактической проверки, на основании народной молвы, искусственно муссируемой, канонически будет определяться как раскол, со всеми указанными в церковных канонах последствиями для учителей его.

Ввиду всего этого, я с особой радостью приветствую Вашу готовность пересмотреть заявление от 6 февраля и усерднейше прошу Вас не медлить с этим пересмотром».

В третий раз в Ярославль был послан архиепископ Рязанский Ювеналий (Масловский). Он сначала беседовал с викарным архиепископом Варлаамом, а затем с митрополитом Агафангелом. 10 мая митрополит Агафангел, архиепископ

Варлаам и епископ Евгений написали митрополиту Сергию: «В разъяснение нашей декларации от 6 февраля с.г. и в дополнение к письмам митрополита Агафангела на имя Вашего Высокопреосвященства, находим нужным сказать следующее:

1. Мы до сих пор не прерывали и не прерываем нашего молитвенного общения с заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием.

2. Никакого раскола мы не желаем учинять и не учиняем.

3. Никаких новшеств в церковной жизни нашей епархии не вводили и не вводим.

4. Принципиально власть Вашу, как заместителя, не отрицаем.

5. Распоряжения заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие церковные каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте, исполнять не могли и не можем.

6. Всех обращающихся к нам инопариальных епископов, клириков и мирян с просьбой возглавить их и принять в молитвенное и каноническое общение, мы не отторгали и не отторгаем от единства церковного, а, внося мир, направляли их – непременно к Вашему Высокопреосвященству и Синоду, предварительно, насколько возможно, успокоив их смущенную религиозную совесть».

На этом ярославские архиереи считали инцидент исчерпанным. 10 мая митрополит Агафангел показал письмо секретарю епархии протоиерею Дмитрию Смирнову, который предложил этот документ обнародовать. Но митрополит ответил, что, поскольку письмо от 6 февраля не обнародовано, то и это не нужно обнародовать, а благочинным ярославским и так все известно.

Здоровье митрополита Агафангела, сильно ухудшившееся в начале года, так и не поправилось. С ним было несколько сердечных приступов, во время которых он всегда сначала прибегал к Тайнам Тела и Крови Христовых и только после этого принимал медицинскую помощь. В середине сентября у него случился сердечный приступ столь сильный, что митрополит слег в постель. Врачи рекомендовали полный покой. Но и лежа в постели, он принимал деятельное участие в управлении епархией, говорил, что нужно сделать в том или ином случае. Предчувствуя близость смерти, владыка просил протоиерея Дмитрия Смирнова съездить к заместителю Местоблюстителя митрополиту Сергию, попросить у него церковного мира и сказать, что он, конечно же, находится в его подчинении, а если что не так было, то просит его простить. Отец Дмитрий собрался не сразу, и владыка вынужден был торопить и просить, чтобы тот не откладывал поездку и перед митрополитом Сергием подчеркнул, что он желает совершенно с ним примириться; одновременно он наказывал о. Дмитрию, что когда митрополит Сергей придет после его смерти архиерея для управления епархией, то обязательно бы его приняли. Отец Дмитрий съездил и все передал заместителю Местоблюстителя.

Несмотря на усилия трех докторов, здоровье владыки все ухудшалось, и 2 октября он пожелал принять таинство святого елеосвящения, которое совершили архиепископ Варлаам (Ряшенцев), духовник митрополита архимандрит Ярославского Спасского монастыря Игнатий и архимандрит Толгского монастыря Григорий. При совершении таинства владыка почувствовал себя бодро и радостно. У него было такое настроение, будто приблизились светлые пасхальные дни. Не было страха приближающейся смерти, он с великой надеждой смотрел в будущее и, уповая на милость Божию, с дерзновением

узревал те великие блага и радость, которые ждут наследующих жизнь вечную. Подозвав архиепископа Варлаама, он сказал ему:

– Передайте всем – и духовенству и мирянам – мое благословение, у всех прошу прощения, если кого обидел или огорчил, и сам всех прощаю, ни на кого ничего не имею, прошу у всех святых молитв.

– Молитесь и вы о нас Богу, – просили присутствующие.

– Да, если получу дерзновение у Господа, буду и я молиться, – ответил старец.

Состояние здоровья владыки стремительно ухудшалось, и 9 октября он причащался уже только святой Кровью, так как к этому времени никакой пищи принимать не мог. После причастия ему стало значительно лучше. Улучшение было и на следующий день, так что у окружающих появилась надежда на его выздоровление. Владыка, однако, чувствовал, что приближается конец, и давал распоряжения на смерть. Многих тогда удивило, с каким спокойствием он давал эти распоряжения, будто они были связаны не с его собственным погребением, а с торжественным праздником. 14 октября; подозвав архимандрита Григория, он сказал:

– У меня на этих днях будет юбилей, нужно подготовиться.

– Какой юбилей? – не понял тот.

– Мой юбилей, будет много священников и посторонних. А на следующий день, накануне смерти, своей келейной монахине Нине повторил:

– Завтра вечером у нас в квартире будет торжественная всенощная, будет много священников, пригласите и владыку Варлаама.

Утром следующего дня, 16 октября, ему стало заметно хуже, и в половине одиннадцатого утра митрополит Агафангел скончался. Известие мигом облетело город, и двенадцать ударов тридцати ярославских церквей возвестили о кончине святителя.

Отпевать владыку решили в Никитской церкви, а погребение совершить в храме святителя Леонтия Ростовского. До самого отпевания перед гробом митрополита в Никитской церкви служились панихиды и читалось Евангелие. Все это время шел народ проститься с почившим. Люди молились, плакали, целовали крест и руки почившего святителя. Вот как описывает погребение очевидец событий, протоиерей Сергей Лилеев: «В воскресенье по всему городу литургии были совершены ранее обычного, ввиду предстоявшего в восемь часов утра богослужения у гроба митрополита. После литургии были произнесены во всех храмах поучения о почившем владыке и совершены панихиды. Благовест к литургии в Никитской церкви начался в восемь часов. В половине девятого прибыли архиепископы Варлаам (Ряшенцев) и Павел (Борисовский) и началась литургия.

Храм святого великомученика Никиты вмещает до четырех тысяч народа, но он и пятой части пришедших на отпевание не мог вместить. В сослужении двух архиепископов было восемнадцать священников, а на отпевание вышло пятьдесят священников, больше двадцати диаконов. По прочтении Евангелия архиепископ Павел произнес слово о величии личности почившего. По запричастном стихе слово произнес пресвитер московского Успенского собора, исправляющий обязанности священника ярославской Иоанно-Златоустовской церкви о. Владимир Градусов. По окончании литургии слово о личности почившего произнес архиепископ Варлаам. Началось отпевание. Чувствовалось какое-то особенное настроение, похожее на светлое, пасхальное.

Митрополит Ярославский Агафангел

Был уже четвертый час вечера, а народ все прибывал и прибывал. Около четырех часов гроб с телом усопшего вынесли из храма, хоругвеносцы окружили его и двинулась торжественная похоронная процессия – крестный ход вокруг храма, далее на Леонтьевское кладбище. По всему городу, по всем церквам начался торжественный красный звон. Народу было так много, что по улицам трудно было проехать. На пути к кладбищу останавливались не менее десяти раз для совершения заупокойных литий. На кладбище пришли в начале седьмого. В склепе под храмом оказалась вода. И гроб остался в храме до следующего дня. В понедельник, 22 октября, архиепископами была совершена божественная литургия. К трем часам дня могила была осушена и залита цементом. Был приготовлен обитый оцинкованным железом ящик, куда должен быть положен сам гроб. Запечатанный архиереями дубовый гроб был опущен в могилу при пении литии, причем после «вечной памяти» пропет был всеми тропарь «Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя...» И казалось, что владыка не умер, а остается по-прежнему с нами, невидимым стражем Ярославской епархии.

Так на седьмой день погребли владыку. И что удивительно – никакого трупного запаха не ощущалось нисколько, напротив: по временам веяло от гроба каким-то благоуханием. Лицо его было как и в первый день смерти: светло, бело, покойно. Вечная ему память и упокоение со святыми! Да не оставит он и нас своим руководством по своей смерти и молится о душах наших!»

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2». Тверь. 2001. С. 370-400

Примечания

¹ Письмо

Заместителя Святейшего Патриарха Московского и всея России
Митрополита Ярославского Агафангела к Архипастырям и всем чадам
Православной Русской Церкви

Благодать Вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа!

Святейшему Патриарху и Отцу нашему Тихону угодно было 3/16 мая сего 1922 г. обратиться ко мне со следующей грамотой:

«Вследствие крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить Ваше Высокопреосвященство во главе Церковного управления до созыва Собора. На это имеется и согласие гражданской власти, а посему благоволите прибыть в Москву без промедления... Патриарх Тихон».

Во имя святого послушания и по долгу моей архиерейской присяги я предположил немедленно вступить в отправление возложенного на меня служения Церкви и поспешить в Москву. Но вопреки моей воле, по обстоятельствам, от меня независящим, я лишен и доныне возможности отправиться на место служения. Между тем, как мне официально известно, явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Церковью русскою. От кого и какие на то полномочия получили они, мне совершенно неизвестно. А поэтому я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными. Они объявили о своем намерении пересмотреть догматы и нравоучение нашей православной веры, свящ. каноны Св. вселенских соборов, православные Богослужебные уставы, данные великими молитвенниками и подвижниками христианского благочестия, и организовать, таким образом, новую, именуемую ими «живую церковь».

Мы не отрицаем необходимости некоторых видоизменений и преобразований в Богослужебной практике и обрядах. Некоторые вопросы этого рода были предметом рассмотрения Всероссийского Поместного Собора 1918 года, но не получили решения вследствие преждевременного прекращения его деятельности по обстоятельствам тогдашнего времени. Но во всяком случае, всевозможные изменения и церковные реформы могут быть произведены только соборной властью, а посему я почитаю своим долгом – по вступлении в управление делами Церкви созыв Всероссийского Поместного Собора, который правомерно, согласно со Словом Божиим и в силу правил Св. вселенских Соборов – этих первых и основных источников нашего церковного строительства – рассмотрит все то, что необходимо и полезно для нашей духовной жизни. Иначе всякие нововведения могут вызвать смятение совести у верующих, пагубный раскол между ними, умножение несчастия и безысходного горя. Начало всего этого мы уже с великою скорбью и видим.

Возлюбленные о Господе Преосвященные Архипастыри! Лишенные на время высшего руководства, вы управляйте теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, свящ. канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления высшей церковной власти окончательно решайте дела, по которым прежде испрашивали разрешения Священного Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению.

Честные пресвитеры и все о Христе служители алтаря и церкви! Вы близко стоите к народной жизни. Вам должно быть дорого преуспевание в духе нашей православной веры. Умножайте свою священную ревность! Когда верующие увидят в вас благодатное горение духа, они никогда не уйдут от своих святых алтарей.

Братие и сестры о Господе – наши пасомые! Храните единство святой веры в союзе братского мира. Не поддавайтесь смущению, которое новые люди стремятся внести в ваши сердца по поводу учений нашей православной веры; не склоняйтесь к соблазнам, которыми они хотят обольстить вас, производя изменения в православном Богослужении, действуя не законным путем соборною установления, но по своему почину и разумению, не повинаясь голосу древних

вселенских Отцов и великих подвижников, созидавших наши церковные уставы; не обольщайтесь беззаконием путей, которыми хотят повести вас новые люди к какой-то новой церкви; ищите законных средств и путей, которыми должно устранять церковные нестроения; держитесь и не порывайте союза со своими законными духовными пастырями и архипастырями. Повинуйтесь с доброю совестью, просвещенною Христовым светом, государственной власти, несите в духе любви и мира свои гражданские обязанности, памятуя завет Христа: «Воздадите кесареви кесарево и Божие Богови».

Наипаче же увеличьте молитвенный подвиг, ограждая себя им от наветов духа злобы, врага нашего спасения. Итак, возлюбленные о Христе чада! Храните учения, чины и уставы веры нашей, храните вся преданная нам; держитесь Церкви Божией. Знайте, что уходящий от Святой Церкви оставляет своего Спасителя. *Тем же убо, братие, стойте*, говорит нам Апостол, *и держите предания, имже научистесь или словом, или посланием нашим* (2 Сол. 2, 5).

Заместитель Святейшего Патриарха Смиренный Агафангел, Божиею милостью
Митрополит Ярославский

5/18 июня 1922 г. № 214, Ярославль

² Священники Христофор Надеждин, Василий Соколов, Александр Заозерский, иеромонах Макарий Телегин и мирянин Сергей Тихомиров.

³ **Всем архипастырям, пастырям и верным чадам Церкви Российской**

Благодаря Вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Рим. 1, 7)

Святейший Патриарх Тихон, устраненный обстоятельствами от управления Российской Церкви, грамотой от 3 мая 1922 г. патриаршее право и обязанности, впредь до созыва 2-го Всероссийского Поместного Собора передал нашему смирению.

Но по независящим от нас причинам мы не могли в то время выполнить этого патриаршего поручения. Этим моментом воспользовались безответственные лица и самовольно, по властолюбию захватили пастырский жезл Русской Церкви. И хотя Святейший Патриарх Тихон, как освобожденный потом гражданской властью, снова вступил в управление нашей Церковью, эти лица не захотели оставить своего (начинания) властолюбивого своеволия и тем внесли в Церковь нестроение и раскол. Разделение и раздоры в управлении церковном не прекратились и со смертью Патриарха Тихона, когда вступил во временное управление Церковью Митрополит Крутицкий Петр, как один, имевший в то время возможность осуществить распоряжение Святейшего Патриарха Тихона на случай его смерти.

По определению Собора 1917/18 гг., в случае кончины Патриарха, в права и обязанности Местоблюстителя Патриаршего престола вступает старейший по сану и хиротонии иерарх, каковым в настоящее время является наше смирение. И Святейший Патриарх Тихон в послании своем от 15 июля 1923 г. соизволил указать «в точном соответствии с постановлением Собора, установившего порядок патриаршего управления в Русской Церкви, и с определением состоявшего при нем Свящ. Синода от 7 ноября 1920 г. – признали мы за благо передать на время нашего удаления от дел всю полноту духовной власти назначенному нами Заместителю нашему Митрополиту Ярославскому Агафангелу, с тем, чтобы им был созван Поместный Собор Российской Церкви для суждения о высшем управлении церковном и о других церковных нуждах, против чего, как нам было сообщено, не возражала и гражданская власть». А посему на основании: а) указанного определения Собора, б) грамоты Патриарха Тихона от 3 мая 1922 г., в) послания его же от 15 июля 1923 г. и г) его же распоряжения на случай своей кончины от 25 декабря 1924 г. (7 января 1925 г.), – мы, имея в настоящее время возможность осуществить возложенные на нас обязанности Патриаршего Местоблюстителя, вступили в управление Православной Русской Церковью...

Оповещая о сем, мы приглашаем Вас, возлюбленные о Христе архипастыри и пастыри, всех истинно верующих чад Православной Церкви Христовой и тех, кто уклонился от нее, забыть всякие разномыслия и споры, объединиться вокруг восстанавливаемого нами «Патриаршего Священного Синода», получившего свое бытие от 1-го Всероссийского Поместного Собора (1917/18 гг.) и, следовательно, власти законной и канонической, приложить все старания и принять все меры к скорейшему созыву 2-го Всероссийского Поместного Собора, который направит корабль Русской Церкви по надлежащему курсу под водительством Небесного Кормчего – Главы Церкви, Господа нашего Иисуса Христа.

Бог любви и мира да пребывает между всеми нами.

Местоблюститель Патриаршего Престола
Смиренный Агафангел,

⁴ Божией милостью,
**Смиренный Сергей, Митрополит Нижегородский,
Заместитель Патриаршего Местоблюстителя и
Временный Патриарший Священный Синод**

Преосвященным Архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви о Господе радоваться.

Одною из забот почившего Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона пред его кончиною было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к Советскому Правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: «Нужно бы пожить еще годика три». И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. К сожалению, разные обстоятельства, а главным образом, выступления зарубежных врагов Советского Государства, среди которых были не только рядовые верующие нашей Церкви, но и водители их, возбуждая естественное и справедливое недоверие правительства к церковным деятелям вообще, мешали усилиям Святейшего, и ему не суждено было при жизни видеть своих усилий увенчанными успехом.

Ныне жребий быть временным Заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергея, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело Почившего и всемерно стремиться к мирному устройению наших церковных дел. Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и православными архипастырями, как будто не остаются бесплодными: с учреждением при мне Временного Патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок, возрастает и уверенность в возможность мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона.

Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас всех на глазах. Все это нарушает мирное течение жизни, созидавая атмосферу взаимного недоверия и всяческих подозрений. Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги ее интересы, кто желает вывести ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством.

Засвидетельствовать это и является первой целью настоящего нашего (моего и Синодального) послания. Затем извещаем вас, что в мае текущего года, по моему приглашению и с разрешения власти, организовался Временный при Заместителе Патриарший Священный Синод в составе нижеподписавшихся (отсутствуют Преосвященные Новгородский Митрополит Арсений, еще не прибывший, и Костромской Архиепископ Севастиан, по болезни). Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом. Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т.д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом в положении нашей Православной Церкви, ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений... Вознесем же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о святой нашей церкви. Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем, заверим Правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия.

Приступив, с благословения Божия, к нашей синодальной работе, мы ясно сознаем всю величину задачи, предстоящей как нам, так и всем вообще представителям Церкви. Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи / Эта фраза вызвала

значительное разномыслие среди членов Церкви. Спустя восемь месяцев после опубликования Декларации митрополит Сергей и временный Синод сочли нужным дать свои объяснения словам, вызвавшим столь значительные споры. Они писали:

"Пора положить предел, пора перестать искажать сказанное в послании от 16(29) июля 1927 года и приписывать митрополиту Сергию то, что он не говорил... "Мы хотим быть", — сказано в послании, — "православными и в то же время признавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи", а нам и митрополиту Сергию навязывают и уверяют, что в послании сказано: "Ваши (т.е. советской власти, власти безбожной) радости — наши радости, ее скорби — наши скорби". Всякому беспристрастному ясна разница между подлинными словами из послания и вымышленными нашими врагами. Сказано: радости нашей родины — наши радости, ее скорби — наши скорби. Другими словами: если под управлением советской власти наша родина будет преуспевать во внешнем благополучии, если условия народной жизни улучшатся, то, конечно, это не будет нас огорчать; и, наоборот, если нашу страну посетят голод, разные бедствия, это не будет нас радовать... В этом смысле вместе радости нашей родины — наши радости, а неудачи — наши неудачи, и, конечно, мы не можем радоваться распространению неверия, если хотим быть православными, как о том совершенно определенно заявили в нашем послании..."

(Деяние Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и временного при нем Патриаршего Синода 16(29) марта 1928 года.). / Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами, как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха, но и по совести», как учил нас Апостол (Рим. XIII, 5). И мы надеемся, что с помощью Божиею, при вашем общем содействии и поддержке, эта задача будет нами разрешена.

Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы Советской Власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это — недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение Советской Власти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершающемся у нас, как везде и всегда, действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять «знамений времени», и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с православием. Такое настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах, и в делах и навлекавшее подозрения Советской Власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским Правительством. Недаром ведь Апостол внушает нам, что «тихо и безмятежно жить» по своему благочестию мы можем, лишь повинаясь законной власти (1 Тим. II, 2); или должны уйти из общества. Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь со всей ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти. Теперь, когда наша Патриархия, исполняя волю почившего Патриарха, решительно и бесповоротно становится на путь лояльности, людям указанного настроения придется или переломить себя и, оставив свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только во имя веры; или, если переломить себя они сразу не смогут, по крайней мере, не мешать нам, устранившись временно от дела. Мы уверены, что они опять и очень скоро возвратятся работать с нами, убедившись, что изменилось лишь отношение к власти, а вера и православно-христианская жизнь остаются неизблемы.

Особенную остроту при данной обстановке получает вопрос о духовенстве, ушедшем с эмигрантами за границу. Ярko противосоветские выступления некоторых наших архиереев и пастырей за границей, сильно вредившие отношениям между правительством и церковью, как известно, заставили почившего Патриарха упразднить заграничный Синод (5 мая — 22 апреля 1922 г.). Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства письменное обязательство в полной лояльности к Советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Думаем, что, размежевавшись так, мы будем обеспечены от всяких неожиданностей из-за границы. С другой стороны, наше постановление,

может быть, заставит многих задуматься, не пора ли и им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской Власти, чтобы не порывать со своей родной церковью и родиной.

Не менее важной своей задачей мы считаем и приготовление к созыву и самый созыв нашего Второго Поместного Собора, который изберет нам уже не временное, а постоянное центральное церковное управление, а также вынесет решение и о всех «похитителях власти» церковной, раздирающих хитон Христов. Порядок и время созыва, предметы занятий Собора и пр. подробности будут выработаны потом. Теперь же мы выразим лишь наше твердое убеждение, что наш будущий Собор, разрешив многие наболевшие вопросы нашей внутренней церковной жизни, в то же время своим соборным разумом и голосом даст окончательное одобрение к предпринятому нами делу установления правильных отношений нашей Церкви к Советскому Правительству.

В заключение усердно просим вас всех. Преосвященные Архипастыри, пастыри, братие и сестры, помогите нам каждый в своем чину вашим сочувствием и содействием нашему труду, вашим усердием к делу Божию, вашей преданностью и послушанием святой Церкви, в особенности же вашими за нас молитвами ко Господу, да даст Он нам успешно и Богоугодно совершить возложенное на нас дело к славе его Святого Имени, к пользе Святой нашей Православной Церкви и к нашему общему спасению.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами. Аминь.

16/29 июля 1927 г. Москва

За Патриаршего Местоблюстителя

Сергий, Митрополит Нижегородский

Члены Временного Патриаршего Священного Синода:

Серафим Митрополит Тверской, Сильвестр Архиепископ Вологодский, Алексий Архиепископ Хутынский, управляющий Новгородской Епархией, Анатолий Архиепископ Самарский, Павел Архиепископ Вятский, Филипп Архиепископ Звенигородский, управляющий Московской Епархией, Константин Епископ Сумский, управляющий Харьковской Епархией
Управляющий делами Сергий Епископ Серпуховской

⁵ Его Высокопреосвященству

Высокопреосвященному митрополиту Сергию,

Заместителю Патриаршего Местоблюстителя

Ваше Высокопреосвященство!

Хотя ни церковные каноны, ни практика Кафолической церкви Православной, ни постановления Всероссийского Церковного Собора 1917/18 гг. далеко не оправдывают Вашего стояния у кормила высшего управления нашею отечественною Церковью, мы, нижеподписавшиеся епископы Ярославской церковной области, ради блага и мира церковного считали долгом своей совести быть в единении с Вами и иерархическом Вам подчинении. Мы ободряли и утешали себя молитвенным упованием, что Вы, с Божией помощью и при содействии мудрейших и авторитетнейших из собратьев наших во Христе – епископов, охраните церковный корабль от грозящих ему со всех сторон в переживаемое нами трудное для Церкви Христовой время опасностей и приведете его неповрежденным к спасительной пристани – Собору, который уврачуеет живое и жизнеспособное тело церковное от постигших его, по попущению Промысла Божия, недугов и восстановит надлежащий канонический порядок церковной жизни и управления.

Но заветные чаяния и надежды наши не сбылись. Мало того, мы видим и убеждаемся, что Ваша деятельность по управлению Церковью, чем дальше, тем в большей степени вызывает недовольство и осуждение со стороны многих и многих представителей православного епископата, – смущение, осуждение и ропот в среде клира и широких кругов мирян.

Сознавая всю незаконность своего единоличного управления Церковью, – управления, никаким соборным актом не санкционированного, Вы организуете при себе «Патриарший Синод». Но ни порядок организации этого «Синода», Вами единолично учрежденного и от Вас получающего свои полномочия, ни личный состав его из людей случайных, доверием епископата не пользующихся, в значительной части своей проявивших даже неустойчивость своих православно-церковных убеждений (отпадение в обновленчество и (один) в раскол беглопоповства), не могут быть квалифицированы иначе, как только явления определенно-противоканонические.

В своем обращении к чадам Православной Церкви от 29/VII-1927 г. Вы в категорической форме объявляете такую программу Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы обдержавшие ее недуги и страдания. По Вашей программе начало духовное и божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному, во главу угла полагается не всемирное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему не нужное угодничество «внешним», не оставляющее места для важнейшего условия устройства внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия – свободы, дарованной Церкви ее Небесным Основателем и присущей самой природе ее – Церкви.

Чадам Церкви и прежде всего, конечно, – епископату Вы вменяете в обязанность – лояльное отношение к гражданской власти. Мы приветствуем это требование и – свидетельствуем, что мы всегда были есть и будем лояльны и послушны гражданской власти; всегда были, есмь и будем честными и добросовестными гражданами нашей родной страны; но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемым Вами политиканством и заигрыванием и не обязывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного устройства внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны ему самою же гражданскою властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе).

На место возведенной Христом внутрицерковной свободы Вами вводится административный произвол, от которого много потерпела Церковь и раньше. По личному своему усмотрению Вы практикуете бесцельное, ничем не оправдываемое, перемещение епископов – часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без ведома епархиальных архиереев, запрещение негодных Вам епископов в священнослужении и т.д.

Все это и многое другое в области Вашего управления Церковью, являясь, по нашему глубокому убеждению, – явным нарушением канонических определений Вселенских и Поместных Соборов, постановлений Всероссийского Собора 1917/18 гг., усиливая все более и более нестроения и разруху в церковной жизни, вынуждает нас заявить Вашему Высокопреосвященству: мы, епископы Ярославской церковной области, сознавая лежащую на нас ответственность пред Богом за вверенных нашему пастырскому руководству духовных чад наших и почитая священным долгом своим всемерно охранять чистоту святой православной веры и завещанную Христом – свободу устройства внутренней религиозно-церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения, **отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью.** При этом добавляем, что мы остаемся во всем верными и послушными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви; неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому и через него сохраняем каноническое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями. Оставаясь незыблемо на таковом твердом основании, мы будем управлять Ярославской церковной областью и руководить своими паствами в деле угождения Богу и душевного спасения **САМОСТОЯТЕЛЬНО** – в строгом согласии с Словом Божиим, с общецерковными канонами, правилами и преданиями, с постановлениями Всероссийского Собора 1917/18 гг., с неотмененными распоряжениями высшей церковной власти предсоборного периода, а также – с распоряжениями Святейшего Патриарха Тихона, его Синода и Совета.

Настоящее решение наше останется в силе впредь или до сознания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного митрополита Петра.

Агафангел, митрополит Ярославский
Серафим, архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии,
бывший заместитель Патриаршего Местоблюстителя
Митрополит Иосиф, 3-й из указанных
Патриаршим Местоблюстителем заместителей
Архиепископ Варлаам (б. Пермский)
временно управляющий Любимским викариатством
Смиренный Евгений, епископ Ростовский,
викарий Ярославской епархии 6/11 - 1928 г.

⁶ Существенное различие между митрополитом Сергием и ярославскими архиереями было во взглядах не канонических, а исторических. Как видеть происходящие в исторической России перемены? Ярославские архиереи считали, что любые изменения в молитвословиях, например,

моления о существующей гражданской власти породят в Церкви соблазны и раскол. И потому их вводить не следует. В церковном обществе еще жила надежда, что историческая Русь с ее стремлением к святости и чистоте воскреснет. Большинство народа и, в первую очередь, православные и среди них некоторые епископы не признавали свершившихся в России государственных перемен. Советская власть ощущалась как явление временное, которое не сможет утвердиться в России надолго. Советское правительство большинством народа рассматривалось как правительство чужое. Отсюда – продержавшееся до самого конца непризнание этого правительства обществом. Но для Церкви всякая власть – попущенная или дарованная Богом – от Бога.

«Не мил я ярославцам оказываюсь потому, – писал митрополит Сергей, – что не хочу оставаться с ними при «святой Руси», хочу устраивать для Церкви возможность жизни при новых условиях, пожалуй, еще не повторявшихся в истории. Святая Русь и для меня дорога не менее, чем всем Вам. Но я помню совет премудрого, нельзя плакать без конца об умершем и думать только о нем, наши силы и способности принадлежат жизни, и мы должны к ней обратиться. Страница со святой Русью уже перевернута, и будет безумием и с нашей стороны отрицать это и убеждать себя и других, что мы можем продолжать ее читать, и теперь это было бы отрицанием факта, т. е. нежеланием подчиниться свершившейся воле Божией. Конечно, приятно мечтать о возвращении этой страницы, но мечты позволительны для тех, кто сидит где-нибудь в уголку, а не для нас, кого Господь поставил пасти стадо Свое. Мы должны иметь смелость смотреть прямо в глаза действительности и не бояться говорить о ней тем, кто ее не видит.

Сам Святейший Патриарх Тихон, который сначала в угоду «окружению» позволил себе выступать против теперешней власти, но потом скоро, как человек мирового кругозора, понял всю бесцельность ставить Церковь поперек течения истории и нам указал этот путь... Поминовение властей и есть исповедание, что мы на этот путь встали, что мы перестаем понимать Церковь по-прежнему, как православное государство с православным царем или в крайнем случае с Патриархом.

Мы молимся, конечно, не о том, чтобы власть наша преуспевала в разрушении веры (как на нас клеветают), а о том, чтобы при существующей власти могли по возможности спокойно оставаться христианами. Такая молитва заповедана апостолами. Ярославцы и от этого, конечно, отмахнутся как от неприятного сна.

Вы пишете о соблазне. Но опять-таки по Апостолу соблазн не в том состоит, что я своими действиями, непривычными для людей известного настроения, смущаю или беспокою, нарушаю привычную для них обстановку, а в том, когда я увлекаю делать вопреки вере (например, жертвенное и т.п.).

Неосмысленная боязнь всего неправильного отнюдь не есть закон Церкви, перед которым пастырь должен отступать, а он должен и разъяснять. Что было бы, если бы Никон этого «как будто» испугался и отступил. Наша церковь осталась бы при Иосифском многогласии и могла ли бы она удержать в себе русское общество, неизбежно пришедшее к европеизации. Не обречена ли бы она была на то, чтобы быть выброшенной из жизни и потерять последнее свое влияние. То же и теперь: ярославское настроение сохраняется ведь в известном поколении. Младшие неизбежно вовлечены будут в новую жизнь, неужели же вместе с этим придется уходить из Церкви. Это было бы величайшим грехом с нашей стороны.